

Философские аспекты зоогеографии

ЛИННИК
Юрий Владимирович

Петрозаводский государственный университет,
yulinnik@yandex.ru

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 26 февраля 2015 года

(Ивантер Э. В. Зоогеография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 504 с.)

Люблю зоогеографию за планетарный стиль мышления.

Пусть у какого-нибудь эндемика крохотный – с гулькин нос – истаивающий ареал.

Малость местного значения!

Однако эту малость – ее природу, ее происхождение – можно понять лишь в контексте целого. Вдруг выясняется, что перед нами своего рода кусочек шагреневой кожи: ужалась донельзя – а когда-то занимала огромные пространства.

Планетарное переходит во вселенское.

В. И. Вернадский призывал увидеть лицо Земли из космоса.

Добавим: это надо сделать с таким разрешением, что не пропадет ни одна родинка – ни одна живая подробность.

Собственно, это и осуществляет в своей замечательной книге Э. В. Ивантер – он пишет портрет Геи, используя в качестве красок различные таксоны *Animalia*.

Успех книги – в гармоническом сопряжении масштабов: вот мы заглядываем в норку полевки – а вот наблюдаем дрейф континентов.

Связь частного и общего соприсуща зоогеографии.

Наука эта насквозь диалектична.

И эстетична!

В моем личном Храме Природы есть культовая птица.

Это полярная крачка (*Sterna paradisaea*).

Гнездится в Арктике – зимует в Антарктиде: дуга перелета по длине фактически равна меридиану.

Мысленно присоединяясь к ней, озираю земной шар – во всем его лазурном охвате.

Зооглобализм!

На выдвижение этого игрового термина меня подвигают и тюлени.

Подумать только: классический отряд ластоногих теперь упразднен – выявлена его полифилия.

Скажем наглядно: моржи – родственники медведей, а нерпы – куниц.

Речь пойдет о настоящих тюленях (*Phocidae*).

В 2007 г. на острове Девон в Канадской Арктике палеоэколог Наталия Рыбчински обнаружила скелет пуйилы (*Puijila darwini*). Было показано: это переходное звено между куњими и тюленями.

Открытие укрепило гипотезу арктического происхождения *Phocidae*.

Что-то повышенное есть в картине расселения этих животных.

Добрались до Антарктиды!

Без всяких метафор: заняли полярно противоположные, но экологически единые ниши.

Многие из них – пагетоды: размножаются на льду.

Наш тевяк (*Halichoerus grypus*) – и его антипод тюлень Уэдделла (*Leptonychotes weddellii*): готов расцеловать обе усатых морды.

Тевяки на арктическом льду

Истинные экстремалы!

Разминувшись навсегда, они являются – на мой взгляд – предельный по раздвинутости случай викариата.

Географический разрыв – максимальный.

Тюлени Уэдделла в Антарктиде

И при этом – полнота унисона!

Современная наука, о которой так увлекательно рассказывает Э. В. Ивантер, питает – не боюсь противоречия – архаическое чувство Земли как матери.

Всё из ее лона!

Гея отражается – и целостно, и локально – в своих чадах.

Изучаешь животное – и ощущаешь за ним планету: оно своеобычно преломило тот или иной ее аспект – когда узкий, а когда всеобъемлющий.

Э. В. Ивантер сводит вместе три правила, устанавливающих вот какую функциональную – явно нетривиальную – зависимость: морфология животного – и его местоположение на планете.

Интереснейшая корреляция!

Правило Карла Бергмана (1847) гласит: с повышением широты млекопитающие укрупняются в размере (пример: амурский тигр куда массивнее тигра суматранского).

Правило Константина Глогера (1833) показывает: чем ближе к тропикам, тем ярче окраска (С. С. Четвериков видел на крыльях наших крапивниц отсвет южной палитры).

Правило Джоэла Аллена (1877) касается пропорций: выступающие части тела – будь то конечности, хвосты, уши – тем короче, чем холоднее климат (сравни уши песца и фенека).

За этими связями Гея и ее жизнь видятся интегрально.

Зоогеография поддерживает наши холистические установки. Много для их укрепления дает изучение миграций. Э. В. Ивантер пишет: «История жизни на Земле происходит в вечных кочеваниях, и живые существа очень редко имеют корни в местах своего обитания и почти всегда являются пришельцами более или менее давнего времени» (с. 63). Они несут в себе память истока. Зоогеография пытается заглянуть в ее глубины. Когда это удается, то часто испытываешь удивление.

Неужели олени происходят из Монголии?
А лошади из Америки?

Миграция играет в эволюции двоякую роль: и отрицательную (сглаживает генетическое разнообразие популяций – вымывает ценные признаки), и положительную (обосабляет – в союзе с изоляцией – оторвавшиеся от основного ареала группы, давая им возможность раскрыть свой потенциал).

Последний случай имеет для нас особую значимость.

Первооткрыватель тут – Мориц Вагнер.

В зоогеографию он пришел из этнографии.

Изучал на трех континентах горные – значит, заведомо обособленные, отрезанные от равнинных открытых просторов, маргинальные для ойкумены – народы.

Описывая кавказские племена и их ареалы, Мориц Вагнер весьма уместно процитировал Карла Риттера: «мировые изолированные крепости». За их стенами – как природными, так и искусственными – утверждается самобытность.

Подобные крепости знает и зоогеография.

Разделительные границы возводятся разнообразно.

Чем прочнее система защиты, тем ошеломительнее результаты: таксон будто попадает под опеку, гарантирующую свободную – ничем не стесняемую – реализацию его возможностей.

Смогла бы жизнь эволюционировать на планете с однородным ландшафтом?

Все ровное и гладкое.

А для жизни – сплошь тупики.

Наша Гея тут являет полную противоположность.

Сколько преград!

Водные – и горные, тектонические – и эрозионные: все они работают на то, чтобы увеличить разнообразие биоса.

Одна из книг Д. Симпсона называется так: «Великолепная изоляция».

Она посвящена млекопитающим Южной Америки.

Уникальные формы!

Обособление – отграничение – размежевание: эти механизмы с особой эффективностью действовали на островах планеты.

Мадагаскарские сифаки!

Тасманийские сумчатые волки!

Новогвинейские райские птицы!

Чарльза Дарвина поразили Галапагосы.

Сколько метаморфоз осуществили выюрки-островитяне?

Они заняли экологические ниши самых различных птиц.

Даже дятлов!

Еще большую экологическую пластичность обнаружили гавайские цветочницы. Читаем у Э. В. Ивантера: «Формой клюва и типом питания они становились все больше похожими одни – на славок, другие – на мухоловок, третьи – на пищух, четвертые – на воробьев, выюрков, дубоносов, попугаев, колибри, медососов и т. д. и т. п.» (с. 203).

Потрясающий универсализм!

Это скрывалось в одном семействе – и вот проявилось: благодаря исключительно изоляции.

Не было конкуренции.

Является ли она необходимым – и креативным по сути – фактором эволюции?

Проблема остается дискутабельной.

Философическое это занятие – рассматривание зоогеографических карт.

Изучаешь современные ареалы – и от них экстраполируешь на миллионы лет назад: перед тобой предстают грандиозные геологические процессы, работавшие на изоляцию.

Назову два из них:

- дрейф континентов;
- деятельность ледника.

Вот распадается Пангея!

Вот раскалывается Гондвана!

Животные оказываются как бы на огромных плотах, разносимых в разные стороны, – слонов мы обнаружим как в Индии, так и в Африке, а сумчатые нас встретят и в Австралии, и в Америке.

Разрывы ареалов!

За этим явлением стоит мощная динамика Геи – ее неизбывная активность. Вот она раздвинула Европу и Америку – меж зайцами-беляками встала Атлантика. А Тихий океан вклинился в ареал речных раков – мы их найдем и в Приамурье, и в Калифорнии.

В раскройке ареалов участвовали и многочисленные ледники. Последний из них разлучил голубых сорок: они водятся в Европе и на Дальнем Востоке – но их нет в Сибири.

Что значимо для нас в приведенных иллюстрациях?

Диапазон явления!

Мы видим огромные – воистину всесветные – расстояния.

Подвижка ареалов – их перестройка в столь же больших масштабах – может иметь и внутренние причины. Пример тому мы находим в так называемой европеизации фауны – здесь выявляется удивительная асимметрия Северного и Южного полушарий: формы первого – «геологически более молодые и наиболее высоко организованные» – вытесняют формы второго (с. 59).

Опять перед нами глобальная картина!

Аллопатрическое видообразование задается географической изоляцией.

Разделения благоприятствуют полиморфизму.

Однако природа любит контрапункт – в разнообразие она вносит единство.

Отсюда параллелизмы, конвергенции.

Тушканчики – и кенгуру: понятно, насколько они различны филетически – но их экологическое двойничество не менее очевидно.

А. А. Любищев правомерно поставил вопрос о географическом стиле.

Явление проявляется в разных масштабах: вот оно связует собой материки – вот замыкается в границах острова.

Очень трудно удержаться от мифологизации этого загадочного феномена. Так и тянет связать его с **Genius loci** – Гением места.

Когда я спросил поэта-визионера Вилли Мельникова о том, что это такое, то он ответил незамедлительно:

– Особая форма жизни.

Внепарадигмально?

Но эвристично!

Приведем два разнородных примера:

– Бабочки из разных систематических групп на о. Цейлон предпочитают синий окрас, достигая общего результата с помощью резко несходных средств – то за счет пигментации, то благодаря интерференции. Какой камертон настраивает все виды на предписанную им цветовую частоту?

– Балтия – регион блондинов: финны, эстонцы, латыши, литовцы, славяне, германцы являются носителями этого признака. Конституирующие различия здесь явно игнорируются: некое стилевое поле действует как бы поверх таковых, независимо и автономно – в своем специфическом срезе.

Перед нами нечто похожее на резонансный механизм.

Увлекают попытки связать идеей стиля природу и культуру.

Так, А. А. Любищев утверждал: хамелеоны – в египетском стиле.

Это не верифицируется.

Но тем не менее кажется бесспорным для эстетического сознания.

В связи с книгой Э. В. Ивантера уместно вспомнить еще и понятие геомериды, введенное К. Д. Старицкевичем в 1919 г., а потом развитое В. Н. Беклемишевым (1928). Лишь частично совпадая с понятием биосфера, оно акцентирует единство земной жизни – выдвигает на первый план качество ее непрерывности или континуальности, для которого все географические преграды есть нечто условное и относительное.

Зоогеография – в интерпретации Э. В. Ивантера – усиливает и укрепляет нашу интуицию: великое множество ареалов – при всей своей внешней мозаичности, калейдоскопичности – есть нечто связанное, стройное, гармоничное.

Гея наложила свою печать на каждую тварь – каждой определила свое место.

Белым медведям – северное, пингвинам – южное Приполярье: эти привязки имеют символическое – эмблематическое для нашего ценностного сознания – значение.

Зоогеография помогает оценить мудрость Геи – родительницы и распорядительницы.

Никто не обижен!

Человек пренебрегает материнским заветом?

Это может плохо кончиться для него.

Полярная крачка в Антарктиде

Библиография

Ивантер Э. В. Зоогеография [Zoogeography]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 504 с.

Philosophical aspects of zoogeography

LINNIK
Yury

PetrSU, yulinnik@yandex.ru

References

Ivanter E. V. Zoogeography. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2012. 504 p.